

О своих первых химических опытах, однокласснике Петре Фоменко, научной миграции и развитии химии

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1432>

27 июня 2012

Собеседник

Дамаскин Борис Борисович

Ведущий

Богатова Татьяна Витальевна

Дата записи

Беседа записана 27 июня 2012 и опубликована 17 октября 2012.

Введение

Химик, профессор Борис Борисович Дамаскин в этой беседе подробно рассказывает о своем детстве и семье. Во время войны вторая жена его отца спасла ему жизнь, а отец едва не погиб от нападения непрофессионального преступника. Известный химик вспоминает о том, как после войны учился в школе в Замоскворечье и своем однокласснике — будущем театральном режиссере Петре Фоменко. В школе же у него проявился интерес к химии: Борис Борисович рассказывает о своих первых химических опытах и связанных с ними казусах. На химическом факультете он познакомился с Александром Наумовичем Фрумкиным и другими выдающимися преподавателями химфака. В его истории есть печальные эпизоды, связанные с гибелью сводного брата от несчастного случая и коллег — в результате неумелого использования радиоактивных веществ. Он говорит о неудавшейся общественной работе, досрочной защите диссертации, собственной научной деятельности и о своих учениках, уехавших за границу.

Борис Борисович Дамаскин: Родился в 1932 году 16 мая. Как я говорил, мне недавно исполнилось восемьдесят лет. Родился в Москве и, в общем говоря, все время прожил в Москве, за исключением времен войны, когда уезжал в эвакуацию. По линии мамы моя бабушка была из польских дворян по фамилии Юхневич. Это известная фамилия. Она вышла замуж так сказать в разрыв католическим правилам, потому что дед был наполовину русским, наполовину тоже поляком, но не был католиком. Поэтому к религии они относились довольно прохладно. Я воспитывался в семье мамы, жили здесь, в Москве, бабушка, дедушка, я их помню. С отцом мама развелась сразу, наверное, после моего рождения, но, тем не менее, отношения поддерживали. Я с отцом поддерживал отношения до его кончины, которая была в 1980 году.

Татьяна Витальевна Богатова: А кто он по специальности?

Б.Д.: Отец по специальности был инженер, профессор, заведовал кафедрой «Детали машин». Машины текстильные и машины легкой промышленности.

Т.Б.: В Текстильном институте?

Б.Д.: Да, в Текстильном институте и потом в Институте легкой промышленности. Он там читал лекции. Защищал докторскую диссертацию уже после войны. Я помню, даже ему помогал в смысле математики — брал производные, таким вот образом... Ну, а вторая его семья, мы были знакомы. Должен сказать, что его вторая жена во время войны спасла мне жизнь.

Т.Б.: Как же это?

Б.Д.: Непонятно, как это произошло. Жили на даче под Москвой, поскольку Москву бомбили.

” Однажды, когда отец возвращался вечером с работы, на него кто-то напал. Не профессионал. Ему нанесли в общем десять или двенадцать ударов ножом в голову.

Т.Б.: О, Боже!

Б.Д.: Но, тем не менее, удары не были профессиональные, череп не пробил насквозь. Он самостоятельно дошел до дачи. Я помню это, мне было восемь лет. Отец снял кепку, она была полная крови. Нас увели из комнаты.

Мой младший брат там тоже жил, брат был моложе меня на три с половиной года. Он 1936 года рождения, у нас были очень хорошие отношения. Каждое лето мы вместе жили на даче. Отец и его вторая жена работали, и была домработница, которая за нами, за детьми, присматривала, готовила. Таким образом протекала жизнь. Когда произошла эта трагедия, так и не разобрались, кто напал, почему напал, что это было. И они уехали. Жена работала в секретариате министра тяжелой промышленности, у нее были связи благодаря этому. И они уехали в эвакуацию, в город Молотов (сейчас Пермь) областной. Отец там лежал в госпитале, и они все были там.

А я еще какое-то время оставался с мамой в Москве и с бабушкой. Дед к этому времени уже умер. Когда немцы стали подходить близко к Москве, уже после прорыва, не знаю как, но кто-то организовал нашу эвакуацию. Мама работала в Наркомсовхоза, с этой организацией можно было уехать в Свердловск, сейчас Екатеринбург. А бабушка отказалась в последний момент, сказала, что не поедет никуда, что здесь проживет, потому что она полька, знает свободно польский, русский, немецкий, французский языки, что она проживет, «а вы поезжайте». И мы уехали. Ехали вдвоем, порядка недели. В дороге я заразился корью что ли, заболел, и когда приехали, меня положили в больницу. Там была такая неразбериха страшная, пошла внутрибольничная инфекция, сначала корь, потом дифтерия, скарлатина, воспаление легких, в общем, все это вместе привело к тому, что началось общее заражение крови. Мама оставалась со мной, потому что у меня больше месяца температура держалась выше 40 градусов, я был без сознания.

В больнице сказали, что я обречен и они ни за что не отвечают. Вторая жена отца благодаря своим связям была знакома... был такой известный детский врач Сперанский Георгий Несторович, может, вы слышали? Очень известный, и в интернете про него есть. Он еще в царское время был известен, в 1940 году ему было около семидесяти лет.

В лаборатории химфака. 1920-е годы

Он был как раз тогда в Молотове, и она попросила его приехать. В больнице никто не верил, что Сперанский приедет — во время войны. А он, тем не менее, прилетел на самолете, прилетел на один день. Там был его ученик, профессор Дормидонтов. И они составили план моего лечения. Мне сделали операцию (было воспаление среднего уха), сделали трепанацию черепа, вот здесь разрезали и еще что-то такое, короче говоря, меня вылечили.

” Мне было десять лет, фактически я заново учился ходить, потому что лежал, истощал, уже не мог ходить. Помню хорошо это время.

Так что, конечно, и мама, и я были этой второй жене отца, Елизавете Петровне, благодарны. Если бы не ее связь с министром и то, что прислали Сперанского, все бы трагически закончилось.

Потом, собственно говоря, возвращались в Москву. Бабушка, к сожалению, уже умерла. Она в 43-м году заболела воспалением легких, была одна и скончалась. Мама приехала в 43-м году в Москву, чтобы ее похоронить. Похоронила, а я еще оставался там, в Свердловске, сначала был в больнице, потом в санатории. Нужно было и ей возвращаться в Москву, и я не мог один оставаться, а в Москву детей еще тогда не пускали.

Возвращение в Москву

Т.Б.: Да? Это было специальное...

Б.Д.: Были еще налеты, 43-й год. Я это помню. Как-то зайцем я приехал, нелегально, приехал в Москву.

Т.Б.: Провезли вас?

Б.Д.: На вокзале в Свердловске была какая-то толкучка, что-то такое, в общем, мама уронила сумку с документами, пока доставала, их смотрели, короче, я прошел в вагон и сидел. Когда мама увидела, что я прошел, показала документы и тоже зашла в вагон. Соседи, во всяком случае, нас не выдавали, целую неделю, хотя несколько раз проходили проверять. Меня укладывали на третью полку с вещами.

Т.Б.: Прятали.

Б.Д.: Да, и так все прошло. Порядка недели ехали, но все кончилось. А когда приехали в Москву, можно было проходить через главный вход с вокзала, но там очень строгий был контроль. А второй вход был через метро. Проходили контролеров, потом на эскалатор, вниз, и дальше в вагон. И мы договорились, что мама снова будет копаться с документами, а я как-то встану на эскалатор, а потом, как подойдет поезд, зайду в вагон и доеду. Наша станция «Библиотека Ленина», на станции выйду и буду ждать. Когда она увидела, что поезд подошел, достала документы, показывает. Они говорят: «А вот мальчик? — Какой мальчик? — Вот был мальчик! — Не знаю».

Т.Б.: Да, а был ли мальчик?

Конформизм в эпоху репрессий

Б.Д.: Так мы приехали. Потом вернулся отец, и наша жизнь продолжалась. А еще, конечно... это было до войны, событие, которое я помню до сих пор, которое сыграло большую роль в моем мировоззрении, в менталитете. Как известно, были события 37-го — 38-го года. Мамина родная сестра была замужем за крупным специалистом в области эсперанто. Он немецкого происхождения был, Эрнст Дрезен — его фамилия и имя, я помню. Один раз видел его, единственный раз всего. Тогда считалось, что это эсперанто — для шпионов. А она помогала заниматься этим языком, и их арестовали по делу о шпионаже. К тому же она была знакома с женой Тухачевского, что добавило. Сначала это называлось «без права переписки», потом выяснилось, что там расстреливали сразу. У бабушки, как у польки, были знакомые поляки, которые жили в Москве и приходили. После этой истории все были страшно напуганы. Мне пять — шесть лет всего было, и я помню до сих пор, как мама меня спрашивает: «А ты Сталина любишь? — Да нет, я его не знаю, я его никогда не видел».

Т.Б.: Честно ответили.

Б.Д.: А мама сказала: «Если спросят, скажи, что любишь». И всё, на этом разговор кончился. Но понимаете, эта история осталась в памяти, как надо себя вести.

Т.Б.: Аккуратно.

Б.Д.: Аккуратно, да, но надо быть конформистом, иначе не проживешь. Меня, конечно, потом никто не спрашивал, люблю я или не люблю.

Т.Б.: Но на всякий случай она предусмотрела.

Б.Д.: Да, но осталось на всю жизнь, что, в общем-то говоря, у нас нужно быть таким конформистом. Вот сейчас, не знаю, читали вы или нет, роман Шноля «Герои и злодеи русской науки»? Первое издание о том, что были злодеи типа Лысенко и другие, которые губили людей, и были герои вроде Николая Вавилова.

Т.Б.: Тимофеев-Ресовский.

Б.Д.: Он пишет об этом в первом издании. А потом, через десять лет, вышло второе издание, в два раза более толстое, которое называлось «Герои, злодеи и конформисты отечественной науки». Я прочел и то, и другое, и вывод-то был другой, что, вообще-то, герои погибли, злодеи ничего хорошего сделать не могли для науки, а если у нас что-то и осталось, и было, то благодаря конформистам, которые открыто не выступали, но были честными работниками в области науки. Они работали, и благодаря их работам у нас что-то было и до сих пор сохранилось, благодаря таким людям. Это его вывод из второй книги. С этим мнением я по сути дела согласен. Так оно в действительности и получается.

Т.Б.: Ну, да. Чтобы сделать что-то в науке, нужно с чем-то мириться и делать свое дело.

Б.Д.: И быть честным, не идти на поводу каких-либо предложений, может быть очень лестных, которые сулят тебе что-то такое. Ты должен быть принципиальным в науке, но не выступать...

Т.Б.: Не бросаться на амбразуру.

Обучение в школе

Б.Д.: Вот именно. Ну, теперь школа. Со школой мне повезло, школа была очень хорошая (тогда было еще раздельное обучение), 9-я школа, Замоскворечье. Класс очень хороший, очень дружный, просто один за одного, никогда никого не выдавали. Учителя то же самое. У нас был физик, классный руководитель, ребята ему доверяли всё, рассказывали о своих прегрешениях. Но он никогда не докладывал директору, никого не выдавал. Очень интересно все объяснял, не использовал математические какие-то приемы, а старался наглядно объяснить какое-то явление. Вот, например, я запомнил. Когда вы хотите померить напряжение, подключаете вольтметр. Там очень большое сопротивление и в основном ток идет по основной цепи, но какая-то часть тока проходит через вольтметр, и он показывает результат. Спрашивается: зачем электроны туда идут? Ведь им проще идти по основной цепи? Он говорит: «Представьте себе футбол, стадион „Динамо“ (все представляли, все увлекались футболом), только что закончился матч, и все идут домой, расходятся. Громадные ворота, вся толпа идет через эти ворота, но рядом калиточка есть, открыта, и какая-то часть людей пойдет туда, пройдет через калиточку, естественно».

Между прочим, я в своих лекциях, которые читал уже здесь студентам, пользовался таким же приемом, находил аналогии и рассказывал. Вот квантовую механику рассказать студентам в общем курсе совершенно невозможно, да и сам я не такой специалист... Но общий принцип можно передать. Скажем, у вас на электроде электроны. Электроны перескакивают на частицу, которая претерпевает разряд, подходят и перескакивают. Есть вероятность, что электроны перейдут туда. И есть правило Франка-Кондона: для такого перехода необходимо, чтобы энергетические уровни электронов, их начального и конечного состояния, были примерно одинаковы. Но, соответственно, все еще зависит от частоты колебаний, как быстро меняется положение, сколько времени остается электрон на одном уровне. Наконец, какое расстояние от частицы до электрона, так как вероятность перехода резко падает по мере того, как вы отодвигаетесь от электрона. Это все формулы, вообще жуткое дело. А можно объяснить это таким образом. У причала стоит пароход, и для того, чтобы человек мог перейти с причала на палубу, палуба должна быть на одном уровне с пристанью. Теперь волны — пароход то поднимется, то опустится, условие одинакового уровня все время меняется и, естественно, если очень медленные колебания парохода, то при первом случае человек взял и перешел. А если это быстро меняется?

Т.Б.: Подгадать труднее.

Б.Д.: Он должен прицеливаться, успеть перепрыгнуть. Ну, а если пароход отошел, и возникло пространство воды, то, конечно, вероятность резко падает, и надо, чтобы человек мог разбежаться и перепрыгнуть.

Вот, значит, я студентам на лекции такие вещи рассказывал. На моих лекциях присутствовал (я с ним на «ты», хорошо его знаю) Евгений Петрович Агеев с физхимии. Он приходил на мои лекции, поскольку я читал раздел электрохимии в общем курсе по физической химии в течение пятидесяти лет. Установил своеобразный рекорд, только два года назад меня заменили. Вот он приходил, слушал, потом студентов спрашивал. И он мне говорит: «Знаешь, первый раз слышу, чтобы квантовую механику на таком уровне передавали». С одобрением. А пошло это еще от преподавателя физики, такой был Дмитрий Дмитриевич Калашников.

И преподавательница была по литературе — исключительная женщина. Внучатая племянница Тютчева, Анна Дмитриевна Тютчева. Очень экзальтированная женщина! Когда она в первый раз пришла (совершенно необычное поведение), сказала: «Если будете учить только по хрестоматии, то у меня больше тройки за сочинение не получите». А все учили именно так. Написали первое сочинение, она приносит, и действительно, все по какому-то шаблону писали.

Т.Б.: И получили соответствующие оценки.

Б.Д.: Такой-то — «два», такой-то — «два», Васильев — «два», «два», «два». Все сразу: «а Дамаскину, а Дамаскину что?» Все знали, что я отличник. Дамаскину — «три». Ну, все успокоились.

Т.Б.: Значит, есть надежда.

Химфак МГУ. 1920-е годы

Б.Д.: Никто больше тройки не получил. И постепенно, действительно, она нас научила литературе и познакомила с поэтами, о которых никто никогда не слышал, со стихотворениями. В девятом классе, помню, мы целый год готовили вечер, посвященный творчеству Чехова, нет не Чехову, Гоголю. А в десятом классе — Чехову. Как связано творчество, с одной стороны, Чехова, в живописи Левитана, в музыке Чайковского. Я готовил общий доклад, потом доклад прерывался...

Т.Б.: Сценками?

Б.Д.: ...отдельными вкраплениями: кто-то читал отрывки наизусть из произведений Чехова под музыку Чайковского на фоне, соответственно, пейзажей Левитана. Целый год мы готовили. В девятом классе то же самое было по творчеству Гоголя, тоже песни украинские, сюжеты.

Т.Б.: Целый спектакль получается.

Б.Д.: Все это производило очень хорошее впечатление. Одним из ее учеников был артист, артист из Театра Революции... забыл его фамилию. Потом он писал в журнале «Юность» и, в частности, о ней, я когда-то читал в 90-х годах.

Т.Б.: Его воспоминания об учительнице?

Б.Д.: Да, воспоминания о ней. Он был старшего поколения, уходил на войну, и перед тем, как уйти на войну, пришел попрощаться со своей учительницей. Совсем молодой был, и она ему сказала: «Храни тебя Господь!» И он пишет: в то время, когда религия преследовалась, сказать «Храни тебя Господь!» это произвело на него такое большое впечатление, и действительно, говорит, я вернулся, меня хранил Господь. Не раненый, ничего, вернулся и выступал в театре. Потом она водила нас на какие-то спектакли с его участием, контрамарки были. Она водила нас несколько раз в Третьяковскую галерею, это как раз Замоскворечье. Мы ходили, знакомились с творчеством художников разных. Ну, тогда среди учеников тоже были незаурядные, как оказалось, люди, такие ученики, из ряда вон выходящие. Вот Петр Фоменко.

О Петре Фоменко

Т.Б.: Он в вашем классе был?

Б.Д.: Был в моем классе. Конечно, Петром Наумовичем его никто не звал — Петька Фоменко. Что он вытворял! Это потрясающе просто! Вот сидит на парте с другим учеником, тоже такой артистической натурой, который потом ушел к Образцову в Театр кукол. Лапутин. Это был десятый класс, учительница что-то читала нам, конспектики, чтобы сдавать экзамен на аттестат зрелости, но ее никто не слушает, все следят за этой парой. Мимическая сцена, он изображает из себя парикмахера, все следят, затаив дыхание, и тишина. Наконец, кульминационный момент и... общий хохот! Все хохочут, она отрывается от своей тетрадки и говорит: «Ну, что я сказала смешного, что я сказала смешного?» Все еще больше смеются. Это продолжается минут пять, наконец, все затихли, успокоились.

” Вдруг Петька, как верблюд, до которого дошел анекдот, начинает истерически на весь класс хохотать, и опять все начинается снова. Учительница хватает свои бумажки и убегает к директору. Хулиганят!

Еще помню случай, тоже с ним. Мы должны были пойти в Третьяковскую галерею, помнится после четвертого урока. Тут выясняется, что Анна Дмитриевна почему-то пойти с нами не может и, соответственно, похода в Третьяковскую галерею не будет. Тогда все говорят: «А мы все равно пойдем в Третьяковскую галерею, одни, самостоятельно, причем, не после четвертого урока, а после второго. После второго урока, действительно, весь класс уходит, но по домам не разошлись, а все пришли в Третьяковскую галерею.

Тут Петька Фоменко говорит: «Ну что, ребята, буду вашим экскурсоводом». У него были такие волосы рыжие, курчавые, он их приглаживал, а тут он сделал вот так, они у него стоят, и сразу более солидным вид стал. Образовали группу, переходим из зала в зал, он рассказывает, а он действительно был очень начитанным, еще в школе играл на скрипке, еще что-то такое, знал о творчестве. Он начинает рассказывать об этом, об этом, об этом. Проходим из зала в зал, тут картина Перова, кажется, «Три охотника». Он уже вошел в раж и говорит: «А знаете, ребята, о чем они разговаривают? Я вам сейчас расскажу». И начинает в лицах за этого, за этого, за этого говорить: «вдруг навстречу ведмедь...»

Все смеются, а он уже орет на весь зал. В это время в зал входит настоящая экскурсия из учениц женской школы. Девчонки смотрят, что все смеются, и по одной переходят к нам. Их экскурсовод осталась одна и пошла за администратором. Привела какого-то администратора, тот подходит: «Кто это тут?» А Петька видит, что дело уже такое, пригладил волосы опять назад и говорит администратору: «Вы знаете, тут какой-то хулиган сказал, что будет нашим экскурсоводом».

Т.Б.: Сыграл свою роль!

Б.Д.: «А где он? — Он куда-то убежал!» На этом кончилось. Ну вот, такие случаи, воспоминания школьные, светлые до сих пор. В университете, конечно, скучнее стало.

О выборе химии как специальности

Т.Б.: А почему вы выбрали химию?

Б.Д.: Почему выбрал химию. В школе химию не любили, даже стишок был: «Чтобы химию любить, идиотом надо быть». А учительница, фамилию не помню, Юлия Николаевна, увидела, что я действительно интересуюсь. У меня, понимаете, была реакция на пару опытов, которые она показала в первый день. На меня они произвели очень сильное впечатление. Она налила раствор щелочи с фенолфталеином — красное окрашивание. Два прозрачных раствора слила вместе и вдруг — ярко красный, потом слила вместе еще два раствора, образовался белый осадок, ни с того, ни с сего. Это произвело, помню, впечатление. Потом уже я купил себе книжки, Некрасов еще первый был. А с мамой работала одна женщина, не знаю, откуда, но у нее сохранился целый ящик с реактивами. Довольно интересные и редкие реактивы, в частности, металлический натрий под керосином, еще какие-то, азотнокислородное серебро.

Т.Б.: Прекрасные реактивы для школьника.

Б.Д.: Через мою маму она мне подарила это, мне стало интересно, я стал заниматься дома, делал опыты. Потом поехал в Ленинград, там жила мамина вторая сестра. Она перенесла блокаду, между прочим, как раз кончилась блокада. А в Москве не продавали реактивы.

Т.Б.: Не было таких магазинов.

Б.Д.: Был магазин на Кузнецком мосту «Химия», но не продавали. А там я зашел, в центре, и стал рассматривать. Там все иное было какое-то... старые ленинградцы, публика, такие интеллигентные люди. Потом сменилось, конечно. Разглядываю, а продавщица меня спрашивает: «Что, вам интересно?» Я говорю: «Да, интересно. Можно купить?» Она: «Да, пожалуйста!» И я, сколько у меня было денег, купил все, что было, что мог. С собой довез из Ленинграда целый чемоданчик реактивов. Так началось.

Преподавательница видит, что я интересуюсь, и мы стали вдвоем, по сути дела, в химическом кабинете что-то такое делать. Помню, нужно было окислять этиловый спирт в уксусную кислоту, но я не ту концентрацию взял бихромата с серной кислотой, и не получилось. Я говорю: «Юлия Николаевна, наверное, окислитель слаб, я возьму по сильнее». Она не прислушивалась, а я взял марганцовки, налил серной кислоты туда же, и туда же спирт.

И пошла жуткая реакция, сразу окисляется, хлопья летят из этого стаканчика прямо как из вулкана. Я по одну сторону демонстрационного стола, она по другую сторону, и буквально через пять минут я ее не вижу, она меня не видит, настолько все заволкло этой гадостью. Она говорит: «Бежим отсюда».

Мы убежали из кабинета, закрыли его. Потом уборщица пришла, а там все осело, такая рыхлая, рыхлая масса, толстым слоем на всем. Она говорит: «Что вы делали?» Вообще, учительница мне все доверяла,

давала контрольные работы проверять. Отметки ставила она, а я проверял.

Т.Б.: Ошибки искали.

Б.Д.: Потом я купил книжечку «Опыты по химии с использованием электрического тока». Можно было осуществлять разные условия электролиза, получать какие-то осадки или что-то еще. Выпрямителей таких, как сейчас, не было, но можно было приготовить самим из окисленного алюминия, просто проволоки. Все написано, и я стал делать такие опыты, дома опять же. Когда поступал в университет, то сразу нужно было написать, какую кафедру или специальность предполагаете выбрать, и я сразу написал «электрохимия». Мне так нравилось. Вела группу Ольга Ивановна Воробьева, вы, наверное, ее знаете хорошо. Она видела, что я написал, и спрашивает: «Вы что, действительно? — Да, я свое мнение не изменю. — Ну, хорошо, я познакомлю вас с заведующим кафедрой электрохимии Александром Наумовичем Фрумкиным».

А она с ним ходила в такие походы туристические по Кавказу, куда-то еще. Была секция туристическая Московского дома ученых, потом, кстати, я тоже поступил в эту секцию. Она Фрумкину сказала, что есть студент, который интересуется электрохимией. Действительно, на втором курсе она уже не преподавала, но все равно выполнила свое обещание, когда летом была с Фрумкиным где-то. Это было еще в старом здании, кафедра электрохимии была в подвале, там, где биологический факультет, и мы в подвале. Почему? Потому что тогда маленькие токи, микроамперы измерялись не современными приборами, а такими зеркальными гальванометрами. Надо было, чтобы эти зеркальные гальванометры не тряслись от транспорта.

Т.Б.: От этажных вибраций.

Б.Д.: В подвалах делали свободно стоящие стены, которые не связаны с основным зданием. И здесь так, вот эта стена, видите, отдельная, она не связана со стенками. На этой стене с той стороны монтировали такие гальванометры.

А.Н. Фрумкин

Познакомился с Фрумкиным. Он мне сказал: «Чем занимается современная электрохимия, вам расскажет Нина Владимировна Федорович». У нее я и стал делать сначала студенческую работу, потом аспирантскую работу, и так далее. Пошла работа. Конечно, чрезвычайно мне повезло, что я познакомился с Фрумкиным. Исключительный был ученый, исключительный. Такой преданности науке, честности такой... Он дает консультации, и если, как обычно, его записывали в авторы, и я в том числе, он говорил: «Никогда». И вычеркивал. Никогда не приписывался к работам, которые были сделаны не им самым. Только тогда, когда, действительно, какой-то существенный вклад вносил.

Еще, помимо любви ко всему этому, я ему импонировал тем, что писал стихи. А ему это нравилось, хотя сам он не писал. Мы сочиняли песни, которые здесь пели, какой-то юмор был. Ему это очень-очень нравилось, и он даже, когда какая-нибудь защита, мы сочиняли песни на эту тему, потом с Петрием и Батраковым пели это втроем. И когда его приглашали на защиту, на банкет, он спрашивал: «А песня будет?» Когда говорили, что будет, «тогда обязательно приду». И действительно приходил.

Жена его, Амалия Давыдовна Обручева (не последняя), я ее застал еще. Она работала в соседней комнате, и я там как раз работал, мы там вместе с ней обитали. Был такой случай. Она была исключительно образованная женщина, высококультурная, разговаривала по-немецки, по-английски, по-французски. Знала литературу лучше, чем иностранцы свою литературу, и если приезжали иностранцы, она их всех заговаривала. И вот помню, Амалия Давыдовна говорит, что нужно прибор Гейровского, полярограф, «вы его заверните, мы должны его запаковать», и дает мне какой-то материал, не знаю из чего, типа

пледа.

Я взял и говорю: «ножки пледом закутайте, дорогим ягуаровым». Она остановилась и говорит: «Боречка, а вы знаете, чье это стихотворение? — Да, Амалия Давыдовна, это Игорь Северянин написал!» Конечно, она была потрясена.

«А хотите, я вам принесу книжку стихов Северянина? Еще дореволюционную. — Конечно, Амалия Давыдовна, буду вам чрезвычайно благодарен». И она действительно притащила мне книжку, еще дореволюционную. А это пошло еще от Тютчевой, которая нас знакомила с этой всей литературой.

Т.Б.: Не программной.

Б.Д.: Которой никто, никогда даже и не слышал. По сути дела, все такие вещи Фрумкин тоже, конечно, воспринимал с очень большим интересом. Конечно, потом, когда уже он скончался, написали воспоминания о нем, лет через десять. Он умер в 1976-м, а 1986 году это издали, я прочитал и понял, что отношения его со всеми людьми, которые там работали, а не здесь, на кафедре, были совсем не такими, как со мной, понимаете. Тут они были какие-то человеческие, а там это было более сухое, связанное только...

Т.Б.: В Институте электрохимии вы имеете в виду?

Б.Д.: Да. В этом плане мне исключительно повезло. Когда я защитил докторскую диссертацию, это было в 65-м году, и встал вопрос о том, что можно (еще Луценко был деканом) в какой-то другой институт пойти, там кафедрой заведовать. С Фрумкиным был разговор, и я говорю: «Александр Наумович, знаете, я, вообще говоря, не стремлюсь получить сейчас заведование кафедрой, мне бы хотелось работать с вами». Это его очень тронуло, он действительно проникся, что я предпочел работать с ним, а не делать какую-то такую административную карьеру. Он пошел к Луценко и договорился, что меня нужно оставить профессором, хотя я был беспартийный! На меня вся та история, конечно, такое произвела впечатление в свое время, что я в партию не подавал, ну а это такие же номенклатурные должности — профессор. Так что в виде исключения меня оставили здесь. И я остался.

Об университетских преподавателях

Т.Б.: Борис Борисович, а кого вы могли бы еще вспомнить из своих университетских преподавателей? Расскажите о них.

Б.Д.: Из университетских? Ну, Ольга Ивановна, конечно. Она хорошо относилась к своим ученикам. Потом на третьем курсе была Ирина Кирилловна Коробицына. Она была в хороших отношениях с Ниной Владимировной, они даже друзья. Во время войны она была на фронте, там у нее был фронтовой муж и сын потом от этого мужа. Когда закончилась война, тот уехал к своей семье, она осталась здесь с сыном, и здесь работала. Потом, лет через девять — десять, я кончил уже, умерла его жена. Он был какой-то крупный военный, то ли генерал, то ли кто-то еще. Он ее пригласил, и она с сыном уехала к нему в Ленинград. Шабаров Юрий Сергеевич читал лекции исключительно хорошо.

Т.Б.: Вы у него слушали лекции по органической химии? Или у вас Несмеянов читал?

Б.Д.: По методам органической химии — очень хорошо, потом книжечку издал. Вообще человеческие отношения. Исключительный преподаватель Петр Александрович Ребиндер. Он поразил своими эмоциями, понимаете, так он рассказывал... приходил и образно выступал. Во время войны ему дали две Сталинские премии. Во-первых, он разработал вспениватель, который добавляют в бензин. Когда осколок пробивает самолет, бензин начинает вытекать, раньше он вспыхивал, самолет загорался и все.

А этот вспениватель дает закупорку. И бензин не вытекает и не загорается, самолет можно посадить. И ему, в частности за это, дали Сталинскую премию.

Он рассказывает на лекции: «Представляете себе аэродром, на аэродроме вырыт колодец и в нем бочка, наполовину заполненная бензином, я иду по этому летному полю с зажженным факелом, да, а сверх бензина распределен этот самый вспениватель, по лесенке я спускаюсь в бочку и тушу в бензине свой зажженный факел!» Все студенты тут (*аплодирует*), а он довольный такой, говорит: «Вот если бы вы так аплодировали величии науки!»

П.А. Ребиндер

Т.Б.: Хорошо воспитывал, эмоционально.

Б.Д.: Я прихожу после этой лекции на кафедру. Там Амалия Давыдовна, она его хорошо знала, они с Фрумкиным тоже были в хороших отношениях. И я спрашиваю: «Амалия Давыдовна, сегодня Петр Александрович на лекции нам рассказывал такую историю, что действительно так было?» Она: «Врет Пьер! Врет! Врет!»

Т.Б.: Но эмоции вызывал.

Б.Д.: Да, и не важно, врал ли он. Потом, помню, я защитил уже докторскую диссертацию, чтобы в Дом ученых попасть, чтобы пользоваться благами соответствующими, в секцию туристическую и так далее, нужны были рекомендации двух членов Дома ученых. Я подошел к Фрумкину, говорю: «Александр Наумович, вы мне рекомендацию не напишите?» Он говорит: «Я вам с удовольствием напишу,

но вы сначала обратитесь к Петру Александровичу Ребиндеру». Хорошо. Как раз ученый совет, он член совета и я тоже уже был членом. Я подсаживаюсь рядом, говорю: «Петр Александрович, знаете, я хотел бы вступить в Дом ученых. Хочу попросить вашей рекомендации. Он говорит: «А что вы делаете после сегодняшнего ученого совета? — Ничего не делаю. — Тогда мы с вами после совета поедем, у меня там как раз заседание президиума, и вы поедете со мной». Я говорю: «Хорошо».

Т.Б.: Это Дом ученых на Кропоткинской?

Б.Д.: Да. Академику подают машину. Приглашает. Мы приезжаем в Дом ученых, в вестибюле он говорит: «Подождите меня здесь минут десять. Я сейчас». Приходит, приносит два бланка, говорит: «Заполните их при мне, сейчас». Я заполнил. «Еще посидите минут десять». Потом приходит, такой довольный, говорит: «Борис, я вас поздравляю, вы избраны членом московского Дома ученых. Завтра принесете тридцать рублей на вступительный взнос, и вам выдадут удостоверение».

Т.Б.: Все сразу и быстро.

Б.Д.: Прихожу на кафедру и рассказываю эту историю. Фрумкин говорит: «Ну, я же вам сказал — обратитесь к Петру Александровичу!»

Потом, помню, был юбилей, ему семьдесят лет, я ему оду такую написал. Тоже в Доме ученых было — прекрасно.

Т.Б.: А у вас эта ода сохранилась? Вы текст можете потом дать?

Б.Д.: Могу, надо ее отыскать. Понимаете, она где-то была распечатана, у меня компьютер сгорел, сейчас начинку новую делают, надо будет...

Т.Б.: Восстановить, да. А кто еще из преподавателей оставил след в памяти?

Б.Д.: На химфаке?

Т.Б.: Да, да.

Б.Д.: С кафедры, конечно, многие. Вот Нина Владимировна, с которой мы непосредственно...

Т.Б.: Про Нину Владимировну расскажите, пожалуйста, ведь вы долго с ней работали?

Б.Д.: Долго с ней работал, да. Раньше нее защитил докторскую диссертацию.

Т.Б.: Ну, что ж!!!

Б.Д.: Вы знаете, она была женщина, преданная науке, и тоже могла воодушевить. Приходили на кафедру студенты благодаря ее деятельности, у нее были знакомые с кафедры неорганики, она очень общительная была. Та же Ольга Ивановна и другие преподаватели. Действительно, они приходили в большом количестве и оставались. Много было у нас студентов, дипломников, в основном благодаря ее деятельности.

Т.Б.: То есть она общительностью, обаянием, энергичностью привлекала очень студентов?

Б.Д.: Очень энергичная, общительная. Она тоже ходила в походы с Ольгой Ивановной Воробьевой, в туристические походы, с Фрумкиным и другими преподавателями, там целая компания была. Потом она вышла замуж за Федоровича.

Т.Б.: А кем он был?

Б.Д.: А Людвиг Михайлович Федорович был преподавателем кафедры... не прикладная химия, а практическая, потом практика у нас была... я даже не помню, как она называлась.

Т.Б.: Химическая технология? Нашего же факультета?

Б.Д.: Ну, да. Что-то вроде, да, химическая технология. Он вел занятия, принимал зачеты. С ним тоже

интересные взаимоотношения. Он еще не был женат на Нине Владимировне, а я был студентом, четвертый курс, по химической технологии и практике сдаю зачет. Сдал, а он говорит: «Вы знаете, фамилия-то у вас поповская. — Да, Людвиг Михайлович, знаю, мой прадед был священником. Когда его посвящали в сан, фамилию обычную поменяли на церковную». Он знал, что эти фамилии не исконно шли, какой-нибудь Ерусалимский, Борисоглебский, какой-то еще. Когда посвящали в священники, то фактически человеку давали фамилию. Святые места: Иерусалим, Дамаск...

Т.Б.: Воскресенский...

Б.Д.: Это сразу становилось заметным, поэтому он сказал, «что у вас фамилия...» А я не стал скрывать, что мой прадед был действительно пострижен в священники. Он очень, так сказать, прореагировал, что я не стал скрывать и ему рассказал. После этого у него совершенно, в корне, изменилось ко мне отношение, он стал о себе что-то рассказывать.

Т.Б.: Можно довериться человеку.

Б.Д.: Какое-то завоевал доверие, да. Потом, помню, был такой случай. Это было 2 мая 1957 года, я даже запомнил, 2 мая раньше выходной день был. И мы с одной девушкой, она была с химического факультета, в поход пошли. Снег уже частично сошел, мы пошли от поселка Абрамцево академического вдоль железной дороги куда-то к Калистову. Это, наверное, километров пятнадцать. Потом должны были выйти снова к железной дороге, к Мураново, в Калистово, чтобы сесть и уехать. Шли целый день, несколько часов и не встретили ни души. Еще время такое.

Т.Б.: Ну, да. Кто там в распутицу ходит.

Б.Д.: У нас с собой была еда, и вот выходим из леса на открытое место. На другой стороне тоже лес, и вдруг видим — два человека. Надо спросить, как выйти к станции, хотя компас у нас был. Идем к ним навстречу, и они идут нам навстречу, подходим близко, а это Нина Владимировна и Людвиг Михайлович, они еще тоже не были женаты. Вот понимаете, какая вероятность, что встретились. Целый день шли, а они тоже шли из музея Мураново...

Т.Б.: Походом!!! *(Смеется.)*

Б.Д.: ...и встретились. Потом, когда они поженились, стали ходить уже и к ним домой.

Об однокурсниках. Семья. Круг общения

Т.Б.: А из ваших однокурсников?

Б.Д.: Из однокурсников замечательные люди... Был в одной группе с Колей Платэ.

Т.Б.: Каким он был молодым человеком? Юношей?

Б.Д.: Очень общительным! Очень общительным. Отец его, Альфред Феликсович, он же тоже химик, и дед Зелинский, понимаете. Они жили в старом здании [МГУ], там была квартира, там они жили, книги... Тогда учебники достать было невозможно. Я уж не помню, как мы сошлись с ним.

” Я на велосипеде, и он на велосипеде, я говорю: «Слушай, а ты с дачи на велосипеде?» Он говорит: «О! Мы велосипед на машине перевозим. — Да ты что? Я всегда на велосипеде, и туда, и обратно еду. Давай я за тобой заеду из Москвы, и мы на велосипедах на дачу. А потом вернемся в Москву?»

Я приходил к нему домой, книжки смотрели. Его мама, Раиса Николаевна, дочка Зелинского, художница

была, кормила нас обедом, т.е. были такие отношения...

Т.Б.: Неформальные.

Б.Д.: Позже, примерно когда Чернобыльская авария была, я ее встретил в подмосковном Звенигородском пансионате. Я там отдыхал, она там отдыхала, и она говорит: «Пойдемте, я вас нарисую. — Ну, пойдемте, пойдемте. — Заодно поговорим». Мы пошли к ней в номер, она рисовала таким...

Т.Б.: Угольком?

Б.Д.: ...мягким черным карандашом. И подарила. Этот портрет у меня до сих пор хранится, который она написала. Жена Коли, Наташа Шахова, тоже интересная история...

Т.Б.: С кафедры аналитической химии?

Б.Д.: Да. У ее мамы, Зои Федоровны Шаховой, девичья фамилия была Нуа, она из Риги. А ее отца Василия мама моя еще в юности знала, когда он был юношей. Они жили в Ярославле, семья моей мамы, ее отец, бабушка, и Шахов у них снимал комнату, потому что учился вместе с их сыном, с маминым братом родным. Снимал комнату еще до революции. Квартиры громадные были, жили в достатке. А дед мой, я его еще застал и жил с ним какое-то количество времени, он был смотрителем железных дорог российских.

Т.Б.: Должность хорошая.

Б.Д.: Да, очень хорошая. У бабушкиной сестры, она тоже чистокровная полька, Полина Эдуардовна (а та была Гелена Эдуардовна), муж был очень высокий чиновник царский, в Петербурге жил. Он был начальник первой железной дороги Москва-Петербург. Очень высокий чин, генерал. И он мужа сестры своей жены, как это называется, свояк что ли, устроил на должность смотрителя железных дорог российских.

Т.Б.: А как фамилия была вашего деда?

Б.Д.: Деда? У него была двойная фамилия. Он наполовину поляк, наполовину русский, по-русски Сазонов, а польская — Юхневич, и фамилия двойная: Сазонов-Юхневич. Но когда он перебрался сюда и остался, русскую фамилию взял — Сазонов. И они, мама, бабушка, все были Сазоновы.

” Когда он был смотрителем, у него был свой вагон, он мог этот вагон прицеплять к поезду и разъезжать. Мама рассказывала, что они всей семьей ездили по России. Жили они так: когда было холодно, жили в Ашхабаде, там тепло; а летом, когда там было слишком жарко, наоборот, жили в Ярославле.

И в Ярославле жил этот Шахов и снимал у них комнату. Потом, уже при советской власти, он переехал в Москву выдвигенцем, его послали учиться в Ригу. Рига еще не была советской, она была капиталистической, и там он нашел Зою Федоровну Нуа. У них родилась дочка, Наташа Шахова, которая вышла замуж за Колю Платэ. И, так сказать, в какой-то степени оказалась...

Т.Б.: В круге вашего общения...

Б.Д.: ...в круге. Помню Зою Федоровну еще в то время, когда поступал. Меня мама привела, я написал труд, знаете, сам дошел до теории кислот и оснований. Потом оказалось, что я написал то, что было уже написано в книге Шатенштейна. Я это сжег, конечно, но сам дошел, что вода как кислота, щелочи как соль воды, такой подход. Когда поступал, подал эту работу, и она как преподавательница кафедры аналитической химии смотрела. Поэтому меня приняли. Но у меня золотая медаль, тогда принимали без экзаменов, а собеседование прошло без сучка и задоринки.

Т.Б.: Значит, вы поступали без экзаменов, только с собеседованием.

Б.Д.: Только собеседование. По сути, рассказывал эту свою работу, дал ей почитать это. Так что, везло. Везло на хороших людей.

Т.Б.: А кого еще из однокурсников можете вспомнить?

Б.Д.: Кабанов был, Кабанов тоже был с нами. Причем, Коля-то меня звал: «Пойдем на полимеры». Он с самого начала никуда не распределялся, с самого начала знал, что будет кафедра высокомолекулярных соединений.

Т.Б.: А откуда он это знал?

Б.Д.: Ну, как откуда! Отец же его был профессор, это известно было. Все знали, что будет кафедра, понимаете, по родственным связям. И потом отбор! Кстати, когда мы поступали, отбирали на отделение радиохимии, где, естественно, были жуткие условия. Еще в старом здании такая сто тридцать вторая была аудитория, считалась секретной. Я думал, что там секретного, изотопы? А оказалось очень просто: было секретно, потому что ничего не было приспособлено.

Полы были деревянные, проливали радиоактивные вещества, они впитывались в дерево, сверху закрывали свинцовыми пластинами.

Вот, чтобы не рассказывали. Человек работает, работает, а потом взял, да и умер. И у нас умерли...

Т.Б.: Что вы говорите? Были случаи?

Б.Д.: У нас был парень, облучился. Буквально за неделю до того, как он умер, я с ним встретился, он говорит: «Меня отпустили погулять». Ему несколько раз делали пересадку костного мозга. Работали в таких условиях. Еще там был Казаринов. Он сам остался жив, но сын у него умер. А этих людей, родители которых работали здесь, туда не брали. Колю Платэ не брали — тоже как бы свой. Еще Клячко-Гурвич работал, его тоже не брали, своих-то зачем губить зря.

Т.Б.: Изначально были условия неправильные. Вы начали говорить про Кабанова Виктора Александровича?

Б.Д.: Меня звал Коля, чтобы я шел на полимеры, а я уже работал здесь со второго курса, а образовалась кафедра полимеров только на третьем курсе. Помню, как-то зашел, а у них помещения не было, он тут, на втором этаже работал, в какой-то комнате...

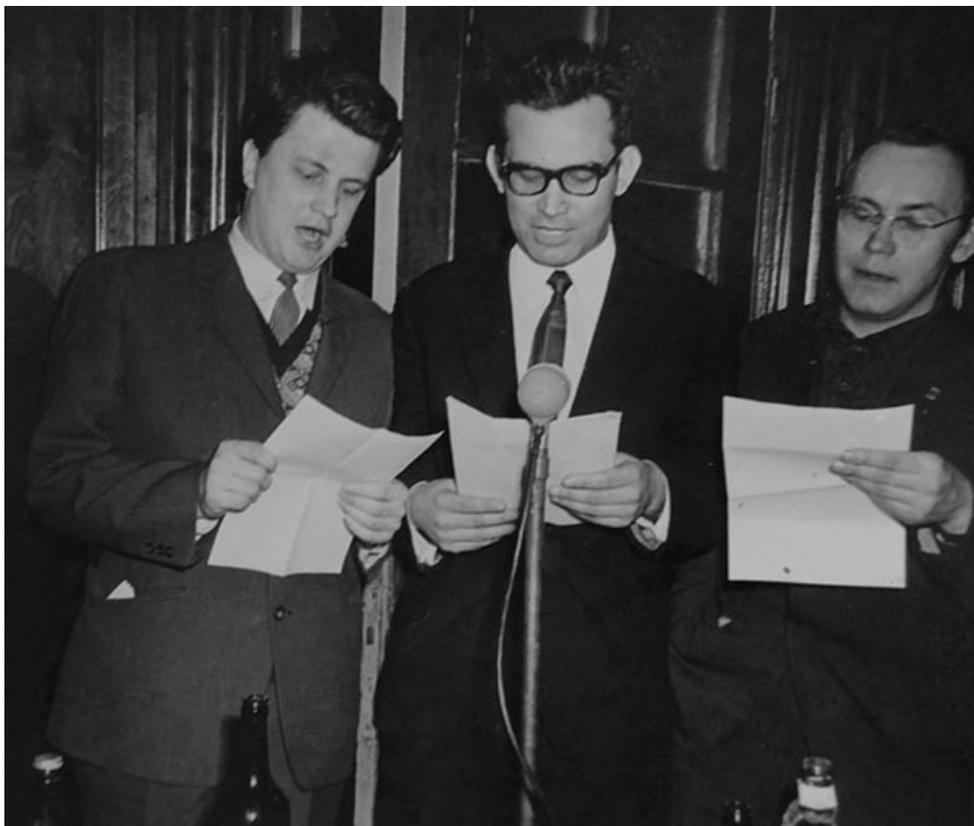
Т.Б.: Уже в новом здании?

Б.Д.: Да. Смотрю, он берет обычную мясорубку и какой-то полимер. Его размочили то ли в бензоле, то ли в чем-то еще, и он стал уже мягкий. Он пропускает его через мясорубку, и выходят колбаски. Я говорю: «Что ты делаешь? — Под механическим воздействием они принимают определенное расположение, эти молекулы высокомолекулярные, и меняется их прочность». Собственно говоря, помню, Каргин, еще кто-то, получили премию за то, что сделали шпагат, при Хрущеве. Перевязывали что-то этим шпагатом, получили громадные деньги, могли машины купить за эти деньги.

Т.Б.: А начиналось все с мясорубки!

Б.Д.: Да, начиналось все с мясорубки. Ну, я подумал: такая наука у Фрумкина, а тут мясорубка.

Т.Б.: Мясорубка вас не впечатлила.

1960-е годы

Б.Д.: Тогда Кабанов уже начал работать на неорганике, у Новоселовой что-то делал, но бросил всю работу и перешел на полимеры, и стал тоже... И третий наш товарищ Бакеев, которого тоже туда взяли. Кабанов был способный, а Бакеев, конечно, был тогда — ужас. Помню, где-то в стенгазете написал стишок про него:

Бакеев, Бабушкин и К^о

Сидят обычно высоко.

На лекции ведут здесь споры

И деловые разговоры.

А то все лекции подряд,

Этот серьезный задний ряд,

Вполне гордящийся собой,

Увы, играет в морской бой.

Он действительно был какой-то расхлябанный, ну, потом, видите, попал в струю, стал академиком. То есть, я бы мог вполне, конечно, но я сказал: нет. Он говорит: «Да, я тебя понимаю». Между прочим, с Фрумкинским Коля Платэ вместе были в эвакуации в Казани. Когда были очередные Фрумкинские чтения, я его просил прийти: «Расскажи о Фрумкине». И он, хотя был уже академиком, пришел, рассказал. Говорил он исключительно всегда, очень-очень хорошо всегда. Рассказал, потом подошел: «Боречка, ты доволен? — Да, доволен». *(Смеется.)*

О студенческой жизни

Я помню, было такое дело, слепили тоже. Якобы один студент из нашего потока, но он не с нашей группы, Миронов, я его знал, вместе с ним медкомиссию проходил, а другой из нашей группы, Игорь Вишняков. Какая-то девушка, они на втором курсе, а девушка на первом, они пригласили ее в ресторан, еще что-то такое. Тогда это значило «морально неустойчивые». Затеяли дело, общее курсовое собрание второго курса. А это еще при Сталине было... Значит, надо их осудить, и решили Миронова исключить из комсомола, значит, и из университета, тогда в армию сразу и все. А он вообще-то был отличник. С ним наш Игорь Вишняков. Тогда Коля Платэ выступил и сказал: «Группа за него берется, он несознательный, мы отстоим».

Т.Б.: Перевоспитаем.

Б.Д.: Так он это произнес, что дали только строгий выговор.

Т.Б.: Ну что ж, спас человека.

Б.Д.: Спас человека, да. Исключительно мог сказать, язык был подвешен, конечно, потрясающе. Не знаю, как вообще, но ко мне было очень хорошее всегда отношение, я ведь еще с мамой его был знаком и братом.

Т.Б.: А брат его кем был?

Б.Д.: Брат моложе, он что-то по искусству, не знаю. Я его мало видел, по сути дела, и не знаю. Моложе на несколько лет, но не химик.

Т.Б.: Из студенческой жизни еще что-то запомнилось, какие-то интересные мероприятия? Или какие-то случаи? Кроме походов, которые вы вспоминали.

Б.Д.: Не знаю, в отличие от школьной компании, компания студенческая мне нравилась гораздо меньше. Вот следующая история, это на первом курсе было. Мы такие: давайте сделаем журнал, напишем туда стихи, рисуночки — чисто юмористический. Прекрасно, я там какие-то два стихотворения написал. Одно «Сон перед экзаменом по химии», другое «Размышления перед экзаменом по математике». Еще были какие-то... Брат мой по отцу... я не сказал, он трагически погиб, когда ему было всего девятнадцать лет.

Т.Б.: Батюшки!

Б.Д.: Перешел на третий курс, он учился на физфаке. Они поехали в колхоз, под Можайск, и где-то на середине пути остановились передохнуть, стали играть в волейбол, и мяч полетел на ту сторону шоссе. И он выскочил впереди автобуса, а там шла машина, и сразу напоявал. Погиб в девятнадцать лет. Он очень хорошо рисовал, и нарисовал, как Виктор Иванович Спицын читает лекцию, еще в старом здании, какие-то приборы сложнейшие. Он просто меня попросил, еще в школе учился: «Слушай, а как у вас лекции читают?» Я говорю: «Пойдем, я тебе покажу». Мы пришли в Большую химическую аудиторию, там стоял эпидиаскоп, можно было за ним стать, чтобы он как бы один, изолированно. Он сначала смотрел, слушал, потом ему надоело, он стал рисовать. Нарисовал Спицына, еще кого-то, кот какой-то сидит, а впереди на пяточке студенческая пара танцует фокстрот. Еще что-то нарисовал. Фамилия у него была по матери Петров, и он так подписывал.

Поместили это в журнал — для юмора. Все, понимаете, восхищенно: «какие молодцы». Помимо меня еще несколько студентов участвовали. Мы такие довольные ходили. А потом взяли этот журнал и передали в партком, или партбюро тогда было. Там стали рассматривать, что же это, не было одобрения партийного, вообще, черт знает что. Как раз сотрудница нашей кафедры, Анна Ивановна Федорова, такая была партийная женщина на нашей кафедре, я с ней тогда заочно познакомился, еще на первом курсе.

Мое стихотворение «Размышление перед экзаменом по математике», его смысл был чисто, конечно, юмористический, что кривые разные восстали против своего создателя Декарта и решили его убить. В общем, там Бог знает что получалось: вместо кривых получались прямые. Оно большое и было

там напечатано. Кончалось следующим: «с тех пор прошло немало лет, давно создатели скончались»... Да, а за Декарта вступился Ньютон с Лейбницем с бесконечно малыми, они разбили эти кривые и восстановили порядок. Смысл был такой. «С тех пор прошло немало лет, давно создатели скончались, но каждый раз, беря билет, студенту снова доставались и графики, и ординаты, параболы и лемнискаты, и много-много всякой дряни, которой учимся мы с вами».

Это что же, говорят, в Московском университете дряни учат? Это вот возвели, понимаете...

Т.Б.: Возвели в идеологическую диверсию.

Б.Д.: А это еще сталинские времена. Черт знает что. Дело замяли, потому что второй преподаватель, который вел нашу группу, Игорь Александрович Савич, был членом парткома, партбюро. Ему это все понравилось, и он сказал: «Ребята, это конечно хорошо, но то, что вы не показали партийной организации, не посоветовались, так нельзя. На будущее обязательно!» Мы: «Хорошо». И так прошло. Но ведь пока это все решилось, прошло какое-то время, недели две, все мы тряслись от страха, что нас выгонят. А студенты, которые восхищались нашей группой, какие мы молодцы, тут говорят: «Как вы могли?» Такая двуличность. Вот это меня от них оттолкнуло, оттолкнуло от большинства.

Т.Б.: Таких было много?

Б.Д.: Таких было много, очень много. В отличие от класса, в котором все как один были, тут... Конечно, были Кабанов, Платэ, еще девушки.

Т.Б.: Они-то не отшатнулись?

Б.Д.: Нет, они не отшатнулись. Но их самих считали отщепенцами, что они сами такие. Ну, с Платэ ничего не сделаешь, у него же отец... Но другие... Он, кстати, не участвовал в выпуске этого журнала. Поэтому какие-то товарищеские отношения со студентами — с очень небольшим числом.

Т.Б.: Не сложились.

Б.Д.: Поэтому я, по сути дела, не участвовал во всех встречах. Еще жуткая была история. Я поначалу вел общественную работу агитаторов. Строители, которые строили Московский университет, жили в Раменках, общежития были, где сейчас Раменки. Мы должны были приходить, проводить с ними какие-то беседы. А добирались так: по Белорусской дороге до Матвеевской, потом шли пешком. Дороги, конечно, не асфальтированные, когда весенняя распутица, вообще грязь жуткая. Помню, шли, уже стал снег таять. В моей группе как раз был Витя Кабанов, он впереди шел, и вдруг он наступил, ногу вытаскивает, а калоши нет, где-то она в грязи осталась, провалился чуть не на полметра, по колено. Он засучил рукав, полез в грязь, вытащил эту калошу и говорит: «Ребята, я дальше не пойду». А я бригадир, от меня зависит, и я говорю: «Все, ребята, идем домой».

Идем домой. Поскольку я, как руководитель, сказал, что можем уходить, решили поставить мой отчет, как бригадира агитаторов. Потом одна девушка из нашего комсомольского бюро говорит: «Можно с тобой поговорить? — Давай поговорим. — Пошли». Она жила в общежитии, уже в новом здании. И начинает мне говорить, что будет вроде как твой отчет, а на самом деле тебе должны выговор вклеить за то, что ты сорвал поход. Будут задавать такие-то вопросы люди, которые в твоей бригаде. Сначала я ушам своим не поверил, а потом думаю, что нужно к этому делу подготовиться. Договорился с парнем, который руководил всеми этими бригадами агитаторов на нашем курсе. Сказал, что очень тяжело, что нужно, наверное, перейти на другую общественную работу, я чувствую, что не справляюсь. И заранее в своем отчете так на все вопросы и ответил, что мне это трудно, и прошу меня освободить. Тот парень меня поддержал, и затея провалилась. Сам признал, сам отказался. После этого я стал работать в газете «Советский химик», стиль уже был.

1960-е годы

Т.Б.: У вас это получалось.

Б.Д.: С Леонидом Михайловичем Витингом у нас сложились очень хорошие отношения. Он был старше нас, уже прошел войну. Он был главным редактором. Мне дали учебный отдел, писать какие-то обзоры. Кого-то надо пропесочить, в частности Бакеев, Бабушкин и К^о, эти стишки, в «Советский химик» пошли.

Т.Б.: Вы нашли свою стезю на общественной работе.

Б.Д.: Да, я нашел, во-первых. А во-вторых, все эти люди, которые были, так сказать, нечистоплотные и вообще нечестные, они, как правило, плохо учились и делали карьеру таким путем. Соответственно, был материал, не специально, но я их с удовольствием пропесочил. И, главное, после того, как я получил такую власть, они стали приходить, лебезить. Поэтому отношения с большинством не сложились.

Т.Б.: Понятно. А кого вы можете вспомнить из лекторов, которые вам показались наиболее искушенными?

Б.Д.: Я уже говорил, Шабаров, Ребиндер — хорошие лекции. Даже не знаю. Понимаете, я слушал Несмеянова, но он приходил, лекция была в восемь часов утра, читал очень вяло, так, что не производил впечатления. Да, вот Тумаркин был.

Т.Б.: Да, Тумаркин. Тумаркина все вспоминают.

Б.Д.: Тумаркин, всё. Он как приходил — еще от двери: «Пусть дана функция f от x какая-то непрерывная,

своими производными до n включительно, на отрезке АВ». И мы тут все... Еще была такая Рацер-Иванова, она вела у нас семинары, тоже очень яркая женщина, и она любила все доводить до конечного результата. Какой-то корень брали, получили в результате корень квадратный из 3. «Кто знает?»

” Корень квадратный из 2 все знали: 1,4142. «А из 3? Ну, кто знает? — Я, 1,7321. — Правильно», — говорит. А ответ-то был совершенно... это был номер телефона моего отца, чего я, конечно, не сказал.

Т.Б.: (Смеется) Замечательно!

Б.Д.: И после, понимаете, я у нее был первый.

Т.Б.: Ну, правильно за такую заслугу.

Б.Д.: Так вот складываются. Как с Людвигом Михайловичем Федоровичем. Другие менее, конечно, заметны. Была, правда она не вела, однофамилица моей семьи, Сазонова.

Т.Б.: Да, Вера Алексеевна.

Б.Д.: Я думал, обычно какие-нибудь каверзные вопросы на экзамене. Надо какую-нибудь формулу запомнить, сложную. И я запомнил формулу хинина и еще какого-то сложного соединения. Все ответил, а в конце она говорит: «Формула салициловой кислоты. — Да я не знаю. — Ну, как же, так хорошо отвечали... — Могу написать формулу хинина». В общем, как-то я сбил ее, пять поставила. А вообще, действительно, было очень-очень-очень сложно. Выходили — два, два, два.

Т.Б.: Это на экзамене по органике? Много двоек хватало по органике?

Б.Д.: Много, но потом, конечно, пересдали. А я проскочил.

Переезд в новое здание МГУ. Работа в лабораториях

Т.Б.: Борис Борисович, а какие были впечатления или какие-то интересные случаи при переезде в новое здание?

Б.Д.: Видите ли, электрохимические установки все очень сложные. Нас пустили туда, собственно, когда все собрали. То есть я не участвовал в этом. Там работа прервалась, потому что приборы разобрали, а здесь не собрали. Это было начало третьего курса.

Т.Б.: Перерыв в вашей деятельности получился.

Б.Д.: Да, перерыв. Помню, тут меня Ирина Кирилловна Коробицына с органики: «сделайте один синтез, потом другой». Потом еще что-то: «Давайте попробуем, давайте попробуем». Однажды я вечером сижу, что-то там в колбочке... открывается дверь, входит Юрьев: «А вы кто? Кто разрешил одному работать? — Студент. Ирина Кирилловна Коробицына... — Не положено, не положено здесь работать, я разберусь. Сейчас все кончайте и идите домой». Я все сложил, свернул, погасил и ушел. Потом рассказываю: «Вот такая ситуация, Нина Владимировна...» На электрохимии еще в старом здании я какие-то собирал приборы, один работал, и казалось гораздо сложнее. А тут такие условия.

Т.Б.: Сразу вас отвратили от органики.

Б.Д.: «Вы ей скажите... — Да, нет, она все знает, ей рассказали, он ее тоже отчитал». Поэтому меня отвратило от этой органики. Дальше тут уже началась работа. В соседней комнате Нина Владимировна работала, и я тоже один. Открывается дверь, входит Фрумкин. А я его видел один раз, еще в старом здании, он тогда еще поговорил со мной, сказал, что руководить мной непосредственно будет Нина Владимировна. Я поздоровался, он говорит: «Ваша фамилия Дамаскин?»

Т.Б.: Запомнил.

Б.Д.: Меня это просто поразило, что вот один раз человек такой величины, сколько у него разных знакомых и вдруг, понимаете, запомнил. Штришок такой, а все же.

Т.Б.: И не отчитал, как Юрьев, а наоборот, наверное, порадовался, что студент работает. А после окончания университета вас оставили в аспирантуру?

Аспирантура

Б.Д.: Да, так сразу остался.

Т.Б.: Тоже под руководством Нины Владимировны?

Б.Д.: Да, да, делал дипломную, и потом стал делать кандидатскую диссертацию, и сразу нужно было реализовать одну методику.

Т.Б.: Какую методику?

Б.Д.: Измерение емкости на каплюющем электроде. Понимаете, на каплюющем электроде не постоянная поверхность, она растет, меняется. И баланс возникает в определенный промежуток времени. Это своя технология, чтобы верхняя часть срезанного капилляра не закрывала каплю. То есть механические свойства, потом вот эти особенности. Эта методика была сделана только в Америке. Был такой американец Грэм — известный электрохимик, и нужно было здесь это дело реализовать. Я смог сделать и даже более того, понял, почему надо делать именно так, а не по-другому. У него было сделано, но не объяснено, почему. А я понял, как это можно сделать так, чтобы пустить потом на поток. Поэтому я смог защитить это раньше.

Т.Б.: Вы защитили раньше диссертацию?

Б.Д.: Защитил раньше срока. Меня тут оставили, и пошла работа. По сути дела, и докторскую тоже защитил очень быстро, за пять лет.

Т.Б.: После кандидатской?

Б.Д.: Все пошло очень быстро. Потом появились студенты, аспиранты, тогда было много у нас иностранцев из стран народной демократии, из арабских стран. Сейчас это все исчезло, а тогда они были ориентированы на Советский Союз, литература вся была на русском языке. Они изучали, было все дешево, там эти книжки зарубежные стоили в несколько раз дороже и были просто недоступны. Все благоприятствовало тому, что накапливались материалы, появлялись статьи.

Т.Б.: Шла активная работа действительно.

Б.Д.: Фрумкин организовал новый журнал «Электрохимия» Академии наук, которого не было раньше. Трудно было статью в другой журнал пробить, а тут как бы свой журнал в 65-м году организовался. Меня сразу в редколлегию ввели, и вот вчера я как раз был на заседании, меня там поздравляли с юбилеем. Обычно принято так у нас, когда пройдет какой-то юбилей, соответствующее заседание идет уже позже естественно, и после заседания остаются, разговаривают, вспоминают. И вспомнили, что я единственный из редколлегии, который был в составе все годы, начиная с 65-го.

Т.Б.: С самого начала.

Б.Д.: С самого начала. Другие приходили, уходили и снова возвращались. Сейчас главный редактор, он тогда был ответственным секретарем первым, ему было тридцать лет всего, а мне было тридцать два, молодые были. Потом его оттуда убрали, после Фрумкина, потом он снова вернулся. То есть менялись главные редакторы и, в зависимости от отношения состав редколлегии тоже менялся.

Т.Б.: А вы были постоянно.

Б.Д.: Я единственный (*смеется*) всем понравился, и единственный, кто пробыл на протяжении всех лет.

О научной деятельности

Т.Б.: Борис Борисович, расскажите о вашей научной деятельности, почему вы выбрали эту область, не электрохимию конкретно, а вашу область деятельности в электрохимии уже? Как формулировали себе проблемы, которые потом решали, откуда они возникали, из каких-то практических или научных областей? Как складывалось это у вас?

Б.Д.: Начал я с того, что стал воспроизводить ту методику и сумел добиться результатов, потом стал ее уже применять к собственным объектам, которые раньше не изучали. Понимаете, Фрумкин в 20-х годах изучал адсорбцию органических соединений и, по сути дела впервые, снял электрокапиллярные кривые при адсорбции ряда соединений. Методики измерения емкости для капиллярных кривых связаны между собой, то есть емкость является второй производной пограничного натяжения, которое измеряется в электрокапиллярных кривых. Производная, тем более вторая производная гораздо более чувствительна, чем основная величина. Если на основной какой-то маленький излом, его и не видно, то на производной уже будет максимум. Гораздо более чувствительна. Собственно говоря, я решил применить эту методику измерения емкости к изучению адсорбции органических соединений, то, что делал Фрумкин раньше.

У него была предложена изотерма адсорбции, известная изотерма адсорбции Фрумкина, степень ее применимости, доказательства по сравнению с другими изотермами. Это стало основной темой докторской диссертации. Работа очень хорошо пошла. Во-первых, была отлажена методика, во-вторых, математическая часть была не такая уж сложная, вполне мне по силам. Кроме того, конечно, бальзам на душу Фрумкина, потому что это его идеи были, только в условиях более грубой методики, а тут они получались гораздо лучше.

Это тогда был передовой рубеж науки, понимаете, до этого и на Западе не доходили. Написали книжку, монографию, по-русски, «Адсорбция органических соединений на электродах». Помимо моей части туда еще вошли работы Петрия и Батракова. Но основная часть моя была, я там первый автор. Книжку в расширенном виде решило перевести на английский язык известное международное издательство. Конечно, Фрумкин сыграл свою роль, потому что его идеи расширялись, пропагандировались. И книжка «Адсорбция органических соединений» (Дамаскин, Петрий, Батраков) на английском языке вышла. Потом ее перевели на немецкий язык. Книжка разошлась по всему миру, и когда приезжали иностранные ученые, естественно, они хотели работать в этой части. Сначала все было для органических молекул, потом удалось ее развить на случай ионов, что еще более расширило область применения. Так естественным образом расходилось. С одной стороны, тут было ясно, над чем можно работать, а во-вторых, это привлекало людей со стороны, не только наших из Союза, но и из-за рубежа.

С профессором О.А. Петрием

Т.Б.: Как перспективная область исследования.

Б.Д.: Говорят «мейнстрим», основной поток, сейчас это, конечно, не мейнстрим. Но мне уже, конечно, поздно менять тематику. К тому же, сейчас мейнстрим связан, в основном, с прикладными аспектами, не только у нас, но и за рубежом. Это использование электрохимических процессов для создания источников тока, литиевые ионные аккумуляторы для машин, получение каких-то новых веществ или старых, но более прогрессивными методами, получение алюминия. Вот проблемы, которые волнуют большинство и нашего заведующего кафедрой, конечно. Но я уже, конечно, не в силах этим заниматься, так что продолжаю вести какие-то частные работы. Для большинства они не интересны, но мне еще пока интересны. Я всегда занимался проблемами, которые представляли интерес именно для меня, то есть работал всегда с интересом. Никто меня не подгонял, не из-под палки, а потому что нравилось.

Т.Б.: Это самый главный двигатель, в общем-то, всегда.

Б.Д.: Да, тогда получается результат. Может, не дает больших денег, но что делать. Конечно, разработки чисто прикладные связаны с очень большими деньгами. Получение, например, алюминия, наш Дерипаска этим занимается, с нами тут договаривается. Антипов наш ведет договоры, чтобы проводить такие работы. Конечно, это стимулирует. Но с другой стороны, возникает отток людей за рубеж. Очень много после этой всей перестройки выпускников наших... да и сейчас. Если он талантливый, там заработает гораздо больше, на порядок, скажем. Поэтому уезжают, тем более, этому никто не препятствует.

О выпускниках кафедры и «утечке мозгов»

Т.Б.: А выпускники вашей кафедры где, в основном, работают?

Б.Д.: По всему миру: в Израиле, в Соединенных Штатах Америки, в Германии, в Канаде, в основном.

Т.Б.: А над чем работают?

Б.Д.: Над новыми, более перспективными, более мощными источниками тока.

Размышления...

Т.Б.: То есть как раз прикладные отрасли?

Б.Д.: Да, потом защита от коррозии — вторая проблема, тоже прикладная. Некоторые возвращаются... там ведь не держат старше шестидесяти пяти. Человек должен уйти, он заранее знает, что ему исполнится, и все. Он получает хорошую пенсию, путешествует, а можно вернуться сюда. Некоторые возвращаются, но все равно, это уже не тот человек, который начинает в тридцатилетнем возрасте что-то развивать, он уже, естественно, отстает. У меня очень многие уехали.

Т.Б.: Из ваших учеников?

Б.Д.: Да, уехали и работают там. Такой Миша Леви в Израиле работает по литиевым источникам тока. Одна была дипломница, потом аспирантка и сотрудница, в Штаты уехала, работает тоже над катализаторами, чтобы источник тока, опять же, давал больше энергии. Сначала была в Ричмонде, потом перебралась

ближе к Вашингтону. А там такая система, что всё получают в кредит, вот и она купила дом, машину. А кредит на тридцать лет, все, уже никуда не убежишь. Если уедешь, все потеряешь. А здесь что? Здесь ничего. Она уехала с дочкой, с мужем, потом с мужем разошлась, маму туда перевезла, уже не вернешься.

Одна моя сотрудница мне четко объясняла. Сначала они с мужем ездили в какую-то арабскую страну, то ли в Ливию, то ли куда-то еще, зарабатывать деньги. Приехали, привезли деньги. Потом ее сын уехал в Штаты, и она говорит, что оттуда уже не уедешь, если решил вернуться, то все потеряешь. И сын у нее там, там уже внуки, там правнуки, он под Вашингтоном работает. Она, чтобы иметь green card, вынуждена два раза в год туда ездить. Если не будешь ездить, потеряешь это право. Все завязано одно на другое. Вот туда и утекают. А у нас было пропущено время, упустили поколение, а восстановить уже очень трудно.

Т.Б.: В 90-е годы. А кого вы могли бы отметить из своих учеников, как наиболее интересных ученых?

Б.Д.: Вот Леви, который в Израиле работает, исключительно хороший ученый. Эта женщина, конечно, вполне бы могла защитить здесь докторскую.

Т.Б.: А там?

Б.Д.: Там не нужно, там нет докторских и кандидатских. Защитили здесь кандидатскую степень и все. Выпускник нашей кафедры, у Нины Владимировны кончал, приезжал года два назад и сейчас опять тут, хочет написать обзор. Юра Толмачев такой. Люди тут поработают, а потом глядишь — уехал. Зарплаты не сравнить и, конечно, все это обеспечение, и медицинское, конечно. Сейчас стало особенно...

Т.Б.: Приборы.

Б.Д.: Приборы можно еще купить, но нужны люди, которые могут на них работать, получать данные. Все это создает пессимистическое отношение. Нужно чтобы люди умели на них работать и, соответственно, чтобы был коллектив. А тут только начнешь, а он, глядишь уже там где-то.

Понимаете, вот у китайцев больше людей, они раньше начали, у них это все организованнее было, потому что уезжало очень много, и часть их в офшорных зонах научилась работать. Часть возвращается, а часть остается. Там дешевая рабочая сила, они возвращаются, уже зная это. Кроме того, в этих зонах есть приборы, закупленные государством, и они создают там центры. Центры, где есть приборы, есть люди и есть все условия. Они уже могут там заниматься наукой на самом высоком уровне. Со своей экономикой они обогнали всех, хотя правильно, что элементы планирования они сохранили при наличии частной собственности. Такое сочетание дало им возможность гораздо быстрее продвинуться, чем другим странам. Даже Соединенные Штаты не могут развиваться в таком темпе, ну и, конечно, у них народу до ужаса...

С иностранными коллегами

Т.Б.: Да, народа у них много, выбор больше.

Б.Д.: Но с другой стороны, индийцев тоже много, но те не так. Тут же именно экономика перестроена была, коммунистическая, плановая, Чжоу Эньлай ее перестроил, сумел.

Зарубежные поездки

Т.Б.: А вы бывали в Китае?

Б.Д.: Нет, в Китае я не был.

Т.Б.: А какие-то международные поездки можете вспомнить интересные? На конференции или лекции читать.

Б.Д.: На конференциях я был, когда еще ездили, в основном, в «наши страны», в Германию например, в Болгарию. В Болгарии лекции читал, в Венгрии. Но большее впечатление на меня произвели не научные, а именно туристические... когда открылась возможность ездить в туристические не командировки, а просто поездки. Помню, в 95-м году мы с женой поехали, назывался тур «Вся Италия», на самом деле, конечно, это была не только Италия, а гораздо больше. Мы на поезде доехали до Братиславы из Москвы, а дальше поехали на автобусе через Австрию, через Альпы, въехали в Италию, проехали ее на автобусе. Разительная разница между нами, это был 95-й год.

На следующий год у нас была такая же поездка, называлась «Вся Франция». На самом деле, приехали мы не во Францию, приехали вначале в Польшу, проехали всю Польшу, всю Германию, проехали часть Бельгии. Въехали, наконец, во Францию, проехали ее центральную часть, Париж, дальше замки Луары. Потом развернулись, поехали на юг, проехали южное побережье, Ницца, заехали в Монте-Карло, потом

опять развернулись, поехали на север, въехали в Германию, в Кельн. В конце концов, обратно вернулись в Польшу, сели на поезд и вернулись в Москву. Это почти месяц.

Главное, нам повезло, у нас был экскурсовод, но не профессиональный экскурсовод, а работник какого-то нашего «ящика». Его раньше никуда не пускали, а когда началась перестройка, он тоже перестроился, изучил все и нам рассказывал все детально, и пока мы ехали, и на месте. Выкладывался полностью. Мы были в Италии с ним, потом повторили экскурсию с ним же по всей Франции.

На следующий год поехали, экскурсия называлась «Вся Испания». Но опять-таки, вся Испания началась с Италии, прилетели в Италию, пересекли Италию поперек, проехали всю Францию по югу, въехали в Испанию, в Барселону, там уже начались автобусные — Мадрид, Толедо — по югу Испании. Вернулись в Барселону, поехали на север, потом через государство небольшое, горное, Андорру. Проехали Андорру, проехали Францию опять, потом, в конце концов, вернулись. Вот эти поездки, по сути дела по всей Европе, очень впечатляющие были. Потом уже поездки на самолете, более короткие и без такого исключительного экскурсовода... Потом еще ездил в Грецию, еще куда-то и, собственно говоря, на этом завершил. Больше уже мало что увидишь, но разница разительная... А на конференциях этого всего не чувствуешь, сидишь в одном месте, слушаешь. Может быть экскурсия одна, другая...

Т.Б.: Тут можно посмотреть, как люди живут.

Б.Д.: Да, проезжали на автобусах расстояния по три тысячи километров и больше даже. В советское время очень много ездил по Союзу, были очень хорошие связи с электрохимическими центрами, в частности, в Тбилиси, в Грузии. Там была связь очень прочная, грузинские товарищи, которые защитили докторские диссертации, организовывали конференции, потом поездки по Грузии. Были поездки в Казахстан, то же самое, в Алма-Ату, в другие места, на Украину, в Днепропетровск. Вся Прибалтика. С Эстонией были очень хорошие контакты, совместные работы. Там я был консультантом по докторской... потом он стал проректором в Тарту, в университете. В Риге, в Латвии тоже самое, в Литве, в Молдавии. Ездили по Союзу очень много с научными целями, с чтением лекций. Поскольку они были заинтересованы, то выкладывались по полной программе. Можно было с женой ездить, поездки на месяц, то есть кончалась конференция, а дальше еще что-то...

Т.Б.: Борис Борисович, а в республиках, в других городах электрохимические центры отличались? Вы можете немного охарактеризовать те, с которыми у вас были контакты, связи, совместные работы. Чем они отличались от ваших?

Б.Д.: В Болгарии исключительный был центр электрохимический. Такой ученый Каишев, он дожил до девяноста пяти лет, я туда несколько раз ездил. У них была немножко другая тематика, которая связана с процессами роста кристаллов металлических. Этим мы не занимались, поэтому наши работы очень хорошо друг друга дополняли. Его племянница, Миляна Каишева, была у меня сначала студенткой. Отец ее работал в нашем полпредстве, она жила в Москве какое-то количество времени, окончила Московский университет, нашу кафедру, была в аспирантуре. Потом уехала, там работала, были совместные работы. К сожалению, она очень рано скончалась.

Т.Б.: А в Грузии, там какое направление?

Б.Д.: В Грузии? Они были ближе к нам. Единственное, чем они отличались, мы делали все в водных растворах, а они в каких-то других растворителях, в этиленгликоле например.

Т.Б.: Они тоже изучали адсорбцию на электродах?

Б.Д.: Это направление от Фрумкина шло, и они использовали его для своих научных работ. В Казахстане очень много цветных металлов, и получение цветных металлов, их разделение — свое направление. Наш академик Сокольский переехал туда, так что были связи с его учениками. На Украине — гальванические осадки. Был там Лошкарев сначала один, старший, а потом младший. Оба уже скончались. Я до сих пор поддерживаю связь с Феликсом Даниловым. Для процессов электроосаждения металлов разных, с целью покрытия и другими целями, они использовали наши результаты, а мы их. Я туда ездил

оппонировать диссертации.

Потом в Прибалтике, в Эстонии, с лабораторией в Тарту исключительно тесные были связи. Сначала завкафедрой был Вело Эльмарович Паст. Он работал на нашей кафедре, у Иофа, в одной комнате мы работали. Защитил докторскую диссертацию, потом у него появился ученик Пальм. Паст был старше меня, Пальм наоборот, немного моложе. Они создали там лабораторию, которая была связана с висмутом. Сначала это был равномерно оплавленный висмутовый электрод в виде капель или сферы, а потом стали выводить отдельные кристаллы. Их методика была на самом высоком мировом уровне. Они чрезвычайно прилежные, аккуратные, одно удовольствие было с ними работать. Я уже не считал, сколько раз в Тарту ездил, и диссертации оппонировал, и просто для отдыха. К сожалению, всё прекратилось, умер проректор раньше, чем следовало бы. Он защитил докторскую диссертацию, я был у него оппонентом. Это была очень хорошая тесная связь. Так получается, что все по разным причинам уходят из жизни...

Т.Б.: То есть связи с другими республиками, с другими центрами порвались?

Б.Д.: Порвались, все порвались.

Т.Б.: И там эти работы фактически прекратились?

Б.Д.: К сожалению, все порвалось, связи, журналы, которые все выписывали. Теперь ничтожные тиражи научных журналов, «Электрохимии» той же. В основном статьи для журнала пишут наши, а большую половину присылают из Китая, по крайней мере, половину.

Т.Б.: Да что вы?

Б.Д.: Да, китайцы пишут, их переводят, но они и сами пишут на английском, так что сейчас есть русский вариант «Электрохимия» и английский «Russian Journal of Electrochemistry». Раньше текст был идентичный, сейчас хотят даже то, что здесь печатают, чтобы там не печатать. Вчера обсуждали на редколлегии договор... разные руководители, свое издательство.

1980-е годы

Т.Б.: Какой в этом смысл, если это наш журнал? Зачем же делать разные?

Б.Д.: Раньше просто переводили и издавали, а теперь потребность больше в английском варианте. Они уже становятся независимыми и говорят: вы присылайте к нам прямо, больше вас цитировать будут, больше тиражи пойдут. Отрывают российских ученых от наших же журналов.

Т.Б.: То есть то, что пришлешь в русский вариант, совсем не обязательно переведут на английский?

Б.Д.: Да, да, и это уже неприятно. А главное, что и руководители не могут договориться между собой. Дело идет к тому, что вообще все может развалиться. Еще сейчас делают издательство, называемое «Онлайн», то есть статья проходит стадии рецензирования, подготовки и выпускается в электронном виде. Считается, что вышла, а бумажная версия потом.

Т.Б.: Тогда нужна ли она, если уже все прочитали?

Б.Д.: Некоторые все равно желают, чтобы была работа. Но вообще-то, конечно, и заграничные журналы перестали подписывать на бумажную версию, если есть подписка онлайн. Получаете, просматриваете, если нужна статья, вы ее распечатываете, и места никакого не нужно. Все в компьютере хранится. То есть все приходится пересматривать, все течет, все изменяется. Совсем другая психология и взаимоотношения.

Т.Б.: Да, и механизм взаимодействия другой.

Б.Д.: Да, другой, другой совершенно. Но чтобы получить версию онлайн, должны издательству заплатить. Если университет заплатил, то вы получаете, если нет, то вы можете получить либо только название, либо название и абстракт, а остальное — как хотите. Мы столкнулись с отсутствием информации, правда тогда еще не было онлайн, когда началась перестройка, 93-й год. Журналы повышли, а у нас ни одна библиотека не подписала наши журналы. И что делать? Статьи по переписке... Помню, мы с Олегом Александровичем [Петрием] приедем в Варшаву, там знакомый Галюс, он получает, у него на работе есть этот журнал. И он нам дает на ночь или на сколько-то дней. Мы читаем, перезаписываем себе что-то, привозим сюда.

Т.Б.: Да, 90-е годы были в этом отношении жуткие, нигде ничего не было, ни ксерокопий, ничего. Только и оставалось, что с коллегами договариваться.

Б.Д.: Сейчас все свободно. Поехал, с компьютером связан, там, тут, прислал. Бумажный вариант журнала, если выписывает один человек, то он стоил в десять раз дешевле, чем для библиотеки. Фактически выписывал на себя я или кто-то еще, получали по дешевой цене и ставили в кабинете. У нас шкафы забиты журналами. Теперь это потеряло смысл, потому, они, во-первых, разницу цен изменили, во-вторых, если вы имеете онлайн, то на кой шут нужен бумажный. С другой стороны, меняется система компьютеров, если старый был Windows-98, программа, теперь новая система ее не берет, нужно новую делать.

Т.Б.: Программное обеспечение нужно менять.

Б.Д.: Был dos, теперь dosx, 98-й не принимает, надо делать современный, 2012 года, а за него отдельные деньги.

Т.Б.: Одно за другим.

Б.Д.: Сейчас как раз старый у меня кончил свое существование. Купили новый, и на него переписка идет в другой комнате, чтобы можно было читать иностранную литературу. Так что все меняется, надо не отставать от жизни.

Т.Б.: Вам это удастся.

Б.Д.: Стараемся, стараемся, но, конечно, чем годов больше, тем труднее. А вообще, я считаю, что система, которая там, у них, более правильная. Достиг человек шестидесяти лет, должен уходить, освобождать место. На это место придут новые, все быстро обновляется. А у нас сидит до предела, уже склероз, плохо соображает и место занимает, а молодежь кончает и куда-то уезжает. И мы теряем кадры, которые сами же подготовили. Не знаю, что дальше будет, это сложный вопрос.

Т.Б.: Хорошо, Борис Борисович, спасибо вам.

Фотографии любезно предоставлены кафедрой электрохимии и кабинетом истории химии (личный архив Т.А. Комаровой) химического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.